

*Эта книга посвящается
Джезу Эдвардсу
Просто спасибо тебе*

ПРОЛОГ ■

Зима 2010 года

— Послушай, что тебе надо? — рывкает она, потирая руки, совсем как в детстве.

Но мое детство закончилось. Я уже не ребенок. И меня душит злоба. Однако ей об этом знать необязательно. Пока необязательно.

— И что, черт побери, ты здесь делаешь? — спрашивает она, оглядывая безлюдный парк. На улице середина января, плюс один по Цельсию, и до полного захода солнца остается двадцать минут.

Моя надежда оправдалась — обещание того, что у меня есть для нее кое-что интересное, выманило ее на свет Божий.

— Присаживайся, и получишь свой подарок, — говорю я, похлопывая ладонью по сиденью карусели рядом с собой.

Она заметно колеблется, но в конечном счете любопытство берет верх.

Восемь лет эта картина стояла у меня перед глазами...

— Ну же, и какого черта?..

— Помнишь, как ты водила меня сюда на прогулки?

— Э-э-э-э... я... — неуверенно мычит она.

— Помнишь, как мы вместе качались на качелях, ты крутила меня на карусели и играла со мной в мяч?

— Послушай, сейчас уже слишком поздно. Я хочу домой, — говорит она, и в ее голосе слышится страх.

Она понимает, что здесь что-то не так.

И отодвигается от меня.

Я хватаю ее за руку.

— Не помнишь? Да неужели? А все потому, что ты этого никогда не делала, сука ты гребаная. — Поворачиваю ее лицом к себе.

— Какого?..

Сотни раз все это снилось мне во сне, и теперь я действую на автомате.

От резкого удара правой рукой в висок она теряет сознание.

На моем лице появляется искренняя улыбка. Это почти так же здорово, как и представлялось в мечтах.

Свет дня меркнет, и мне приходится работать быстро, так как я не знаю, сколько она пробудет в отключке.

Когда я затягиваю последний узел на ее коленке, она начинает стонать.

— Послушай, что ты...

— Нигде не давит? — спрашиваю я, отступая на шаг и любуясь проделанной работой.

Ее раскинутые в стороны ноги намертво прикручены к сиденью цепной карусели, а лицо смотрит вниз. Тело изогнуто таким образом, что верхняя его половина свисает к земле, а голова касается *бетонной* поверхности площадки. Руки у нее связаны за спиной.

— Послушай, я сейчас блевану...

— Пусть это будет твоей самой большой проблемой на сегодня. — Страх в ее голосе и попытки освободиться доставляют мне истинное наслаждение.

— Чер-р-р-рт, — рычит она, когда колючая проволока глубоко впивается ей в кисти рук. Задумка кошмарная, но так приятно видеть ярко-красные результаты ее мучений...

— А ведь надо было привести меня сюда хотя бы один раз, — говорю я и начинаю вращать карусель.

Ее голова шаркает о *бетон*, и она издает вопль ужаса.

Я улыбаюсь и продолжаю вращать карусель — здесь ее никто не услышит. Дома, для которых был разбит этот парк, расселили много лет назад, после того как два котеджа провалились в давно выработанную старую шахту.

А те дети, которые здесь появляются, приезжают изда-дека — и уж точно не в такие ночи.

— П... прошу тебя! О... ост...

— Заткнись. Наступил мой черед. — С этими словами я сильнее раскручиваю карусель. С каждым поворотом на *бетонном* покрытии остаются ключья волос. — Ты еще пожалеешь о том, что не играла со мной... — приговариваю я, разгоняя карусель.

Ее поверхностное, прерывистое дыхание смешивается с криками боли, которые раздаются всякий раз, когда ее голова касается *бетона*.

Постепенно крики превращаются в короткие взвизгивания — по-видимому, она начинает терять сознание.

Направление движения меняется, скорость возрастает, и колючая проволока все глубже и глубже врезается в ее тело.

Наконец-то мы играем в игру. В игру, выбранную мной. На *бетонном* покрытии появляется кровавый круг.

Скорость возрастает еще больше, и теперь сиденья карусели мелькают у меня перед глазами.

— Надо было раньше меня слушать! — Этот крик совпадает с максимальным усилием с моей стороны.

Теперь она уже не кричит, а только скулит.

Кровь рекой льется на *бетонное* покрытие. К нему прилипают ключья кожи.

Наконец раздается звук лопнувшего черепа, и она замолкает навсегда.

Последнее усилие, и я отступаю назад.

— Тебе надо было играть со мной, — говорю, зная, что она меня уже не слышит.

Безжизненное тело продолжает крутиться на карусели, а я удаляюсь.

■ ГЛАВА 1

Настоящее время

Ким Стоун появилась перед лентой, огораживающей место преступления, в одиннадцать часов двадцать девять минут вечера. Солнце зашло уже больше трех часов назад, но августовский воздух все еще хранил его тепло.

Она велела диспетчерской связаться с ее напарником, детективом сержантом Брайантом, но его «Астры»-универсала еще не было видно среди машин полиции, «Скорой помощи» и фургона коронера¹. Стоун заметила, что две последние машины стояли рядом, хотя понадобиться могла только одна из них.

Снимая шлем, она задумалась, от чего мог оторвать Брайанта неожиданный вызов. Зная его, Ким решила, что он как раз засыпал под звуки криминального телевизионного канала, звучавшие где-то на заднем фоне.

Сама она как раз собиралась вывести Барни на позднюю прогулку. Пришлось быстро возвращаться, пообещав, что позже он вдоволь набегается по парку, когда она вернется домой, независимо от времени. Ким не стала говорить, что вызывают ее в Хайден-Хилл-парк, испугавшись, что пес может не простить ее, узнав, что она едет именно

¹ В некоторых странах англосаксонской правовой семьи должностное лицо, специально расследующее смерти, имеющие необычные обстоятельства или произошедшие внезапно, и непосредственно определяющее причину смерти.

в тот парк, в котором они часто совершали ранние утренние прогулки.

Хайден-Хилл-Хаус был викторианским поместьем, построенным в 1878 году на парковой территории Хайден-Бест Джорджем Альфредом Хайденом. Изначально он хотел полностью разрушить большой Хайден-холл и расширить свое жилище, но в Олд-холле проживала его пожилая тетушка, вдова сквайра. А к тому времени, когда она в 1903 году умерла, желание расширяться пропало и два здания так и остались стоять рядом.

После смерти Джорджа Хайдена в 1921 году сам дом, Олд-холл, сады и 55 акров земли были выкуплены на деньги, собранные по подписке, и превращены в парк. Позже Олд-холл и Хайден-холл использовались в качестве приюта для семей беженцев и бомбоубежища. После сильного пожара Олд-холл много лет лежал в руинах, пока доходы от общественной лотереи не позволили восстановить его во всем былом великолепии.

Ким направили к входу со стороны Хайден-Парк-роуд, который вел к детской игровой площадке, расположенной в верхней части территории всего в нескольких шагах от реставрированного здания. С десяток зевак уже вытягивали шеи, чтобы заглянуть за спины сотрудников полиции и за патрульные полицейские машины. В соседних домах открывались все новые и новые двери — их жители перестали притворяться и подглядывать из окон своих жилищ.

Показав удостоверение, Ким нырнула под заградительную ленту и направилась в сторону светоотражающих жилетов и многочисленных фонарей, включенных ввиду отсутствия уличного освещения.

Полицейские раздвинулись и дали ей возможность пройти в центр группы, мимо парамедиков¹, которых,

¹ В англоговорящих странах специалист с медицинским образованием, работающий в службах медицинской помощи, аварийно-спасательных и военных подразделениях и обладающий навыками оказания экстренной медицинской помощи на догоспитальном этапе.

очевидно, уже отпустили, но те предпочли принять участие в дискуссии, происходившей рядом с детскими качелями в виде жирафа.

— Привет, Китс, — поздоровалась инспектор, заметив миниатюрного патологоанатома, рывшегося в служебной сумке, установленной на каком-то мультяшном персонаже.

Мужчина печально покачал головой, и это заставило Ким задуматься над истинной причиной ее вызова. А потом до нее вдруг дошла настоящая причина его огорчения, и Стоун поняла, что причина эта не имеет никакого отношения к совершённомu преступлению.

— Он вот-вот подъедет, — сообщила она, смиряясь с тем фактом, что патологоанатом любит ее напарника больше, чем ее, и даже не пытается скрывать это. Ким это ничуть не волновало. Большинство относилось к ней точно так же.

Но вот на мрачной физиономии патологоанатома медленно появилась улыбка. А это означало только одно — на месте преступления появился Брайант.

— Вечер добрый, Китс, — поздоровался ее коллега, улыбаясь и протягивая руку.

Ким бросила на него взгляд, который он предпочел проигнорировать.

— Так вот как ты приветствуешь... — ухмыльнулся Китс.

— Я прошу прощения, но кто-то сказал мне, что где-то здесь лежит труп, — прервала его Ким, демонстративно оглядываясь по сторонам.

— Вы совершенно правы, инспектор, и до бедняги еще никто не дотрагивался — проверили только, подает ли он признаки жизни.

— Прекрасно. Направьте же меня...

— Парни, — Китс кивнул в сторону группы одетых в форму полицейских.

Неожиданно площадка слева от Ким осветилась, как будто на нее направили лучи всех фонарей, соединив их в один, напоминающий луч рампы, освещающий сцену.

Ей понадобилось несколько мгновений, чтобы привыкли глаза. За это время Брайант подошел и остановился рядом. И так же, как и она, резко втянул воздух.

— Что, твою мать, все это значит? — произнес он, всего на долю мгновения опередив Ким.

ГЛАВА 2 ■

Сначала Ким увидела фигуру пожилой женщины, сидящей на крайних справа цепных качелях. Ее сумочка была аккуратно поставлена возле металлического каркаса. Она не была открыта или порвана — просто стояла с плечевым ремешком, свернутым с левой стороны.

Инспектор перешла к более внимательному изучению жутковатой картины, раскинувшейся перед ней.

У женщины были густые седые и хорошо уложенные волосы. Даже в свете электрического фонаря была видна помада на привлекательном лице, носившем следы прожитых лет, которые еще не успели превратиться в глубокие морщины. В ушах поблескивали небольшие жемчужные сережки-гвоздики, составляя единый ансамбль с единственной ниткой жемчуга, украшавшей шею жертвы, которая, как и лицо, не избежала, к сожалению, влияния прошлого. Ожерелье пряталось под белым воротничком блузки, поверх которой был надет летний кардиган с рукавами в три четверти. Расклевшенная юбка синего цвета была украшена мелкими желтыми цветочками — сейчас она доходила чуть ниже колен, но, если бы женщина стояла, была бы немного длиннее. На ногах жертвы были капроновые чулки и синие туфли-лодочки на двухсантиметровых каблуках.

То есть это была пожилая леди, вышедшая на прогулку в парке и решившая покачаться на качелях — то ли чтобы претворить в жизнь мечту детства, то ли не в силах сопротивляться импульсивному желанию. На вид все совершенно безобидно. За исключением двух моментов: ярко-красного пятна на груди ее блузки и колючей проволоки, обмотанной вокруг кистей рук.

Тело, казалось, готово было упасть вперед, но его удерживала на месте жуткого вида проволока, обмотанная вокруг цепей качелей. Ноги были слегка согнуты, носки туфель упирались в землю.

— Какие-то сексуальные игрища, которые пошли не по сценарию? — предположил Брайант.

— Пока не знаю, — ответила Ким, с трудом отводя глаза от жертвы.

Если убрать колючую проволоку, то при дневном освещении легко было представить себе, как эта улыбающаяся женщина раскачивается на качелях вместе со своим внуком или внучкой, повизгивающими от восторга. Все это могло вызвать лишь смех и улыбки. А вот ночью, даже без пятна крови на блузке и колючей проволоки, сцена выглядела бы зловеще и не по-хорошему притягательно.

— Кто ее обнаружил? — спросила Ким, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Парень возле скалодрома, — сказал один из постовых. — И не наступите в лужу. Это его рук дело.

— Хочешь, чтобы я?.. — Брайант повернулся и посмотрел в сторону свидетеля.

— Нет, — ответила инспектор. — Лучше посмотри, что у нее в сумочке. Против этого Китс наверняка не будет возражать.

Патологоанатом не любил, когда на месте преступления что-то трогали до того момента, как все осмотрят криминалисты, но «мужская дружба» между этими двумя давала Брайанту некоторую свободу действий. А вот ее

личные стычки с Китсом в самом начале расследования редко давали хороший результат.

Ким знала, что во многом симпатия Китса к ее напарнику объяснялась его сочувствием Брайанту, которому каждый божий день приходилось иметь дело с Ким. Так что Китс считал, что Брайанту и так достается.

«И иногда с ним нельзя не согласиться», — подумала инспектор, аккуратно обходя лужу блевотины и приближаясь к светловолосому мужчине. Тот сидел, уставившись глазами в землю, обхватив руками согнутые колени и опираясь спиной о скалодром.

Детектив решила, что ему где-то лет двадцать пять. Одет он был в темные джинсы и свитер.

— Привет, — поздоровалась она, показывая свое удостоверение.

Молодой человек с трудом встал.

— Все в порядке. Если хотите, можете...

— Офицер, сейчас я просто хочу уйти домой. Мне сказали, что после того, как поговорю с детективом, я смогу...

— Хорошо, хорошо... — Ким посмотрела на женщину-полицейскую, стоявшую рядом с ней.

— Эрик, — подсказала та. — Эрик Хансон из...

— Спасибо, — поблагодарила Стоун, надеясь, что молодой человек не онемел от всего увиденного.

Взгляд молодого человека непроизвольно вернулся к качелям. Голова у него затряслась.

Встав перед ним, Ким заблокировала ему вид на качели. Затем кивнула на пластиковую бутылку с водой, которую он держал в руках.

— Глотни, приятель.

— Со мной все в порядке, благодарю, — ответил свидетель, покачав головой.

— Итак, Эрик, что же произошло? — начала Ким.

— Она просто... Я посмотрел и...

Он смотрел куда-то мимо детектива, не в силах забыть сцену, на которую наткнулся. Но Ким вовсе не нужно бы-